

ЭЛЕКТОРАЛЬНЫЕ ФЛУКТУАЦИИ И РОЛЬ ПАРТИИ «ЕДИНАЯ РОССИЯ» В ПАРТИЙНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Аннотация

В статье рассматривается электоральное поведение в Красноярском крае, в том числе в кроссрегиональном контексте. На основе эмпирических данных показано, что уровень электорального участия на выборах того или иного уровня в темпоральном плане достаточно низкий. Помимо этого, раскрывается генезис такого социального позиционирования. Рассматриваются аспекты избирательных предпочтений в отношении провластной партии и отражается уровень ее легитимности в зависимости от уровня избирательной кампании. Одним из методологических подходов в анализе электорального участия является социальная дифференциация, которая базируется преимущественно не на идеологических установках, а на социокультурных ориентациях, профессионально-трудовой деятельности и характеристиках урбанизированной среды. Выделяются черты региональной партийно-политической системы (через призму доминирующего партийного субъекта), которая детерминирована социальными предпочтениями и институциональными ограничениями, выраженными в виде соответствующих порогов.

ТИМОФЕЕВ Сергей Сергеевич – аспирант Института философии РАН, Россия, Москва, email: timofeev@timofeev.cc

Ключевые слова: региональный электоральный процесс, негативная электоральная активность, абсентеизм, партийно-политическая система, Красноярский край.

DOI: 10.48137/23116412_2024_4_40

Поскольку региональные избирательные процессы, по сравнению с федеральными, в меньшей степени анализируются исследователями, целью данной статьи является выявление степени электорального участия в первые десятилетия XXI в. (на примере избирательных кампаний различного уровня), что детерминирует роль ключевой партии в партийно-политической системе Красноярского края. В 1990 г. специалисты по электоральной статистике делали вывод, что результаты выборов в данном субъекте федерации валидны общероссийским. Впоследствии, поведение избирателей начало меняться. Особенно это коснулось электорального участия, которое в целом снижалось [1], а если рассматривать вы-

боры в муниципальные органы власти, то тенденция была еще более явно выраженная, что подчеркивает неприятие социальными группами сложившихся формальных институциональных механизмов, связанных с формированием органов публичной власти.

Необходимо отметить и такую особенность, которая касается не только Красноярского края, но и ряда иных субъектов федерации: в период серьезного реформирования партийно-политических систем федерального и субнационального уровней (2000 г.) результаты электоральных процедур для провластной партии «Единая Россия» на общенациональном уровне выглядели хуже, чем на региональном, что отражено в таблице 1.

Таблица 1.

Сравнение результатов голосования за «Единую Россию» на выборах депутатов Государственной Думы 2003 года и на региональных выборах 2006-2007 годов¹

Субъект РФ	Итоги выборов в Госдуму 2003 г.		Итоги региональных выборов 2006–2007 г.	
	число голосов	доля голосов	число голосов	доля голосов
осень 2006 г.				
Республика Карелия	113 470	37,87%	71 235	38,92%
Республика Тыва	58 838	66,83%	41 933	46,38%
Чувашская Республика	213 626	37,32%	220 609	51,89%
Приморский край	198 190	27,88%	281 064	48,27%
Астраханская область	126 264	31,69%	125 947	38,73%
Липецкая область	138 711	28,21%	209 071	50,65%
Новгородская область	103 358	37,08%	72 470	43,75%

Продолжение таблицы 1 на следующей странице

¹ Бюллетень Национального центра мониторинга демократических процедур. Август 2007. Вып. № 4. С. 69.

Субъект РФ	Итоги выборов в Госдуму 2003 г.		Итоги региональных выборов 2006–2007 г.	
	число голосов	доля голосов	число голосов	доля голосов
Свердловская область	575 742	34,14%	389 676	40,54%
Еврейская авт. область	32 749	42,21%	31 363	55,32%
Пермский край	409 816	31,40%	264 234	34,56%
весна 2007 г.				
Республика Дагестан	795 943	65,70%	727 987	63,67%
Республика Коми	133 736	32,96%	107 961	36,18%
Ставропольский край	308 745	32,01%	194 400	23,87%
Вологодская область	217 951	38,94%	148 433	41,90%
Ленинградская область	238 838	38,11%	145 592	35,24%
Московская область	1 008 067	33,85%	790 129	49,57%
Мурманская область	151 273	39,20%	91 663	42,19%
Омская область	285 446	32,74%	436 781	55,65%
Орловская область	212 462	44,62%	142 676	39,02%
Псковская область	129 097	37,15%	110 406	45,42%
Самарская область	415 480	32,59%	305 616	33,54%
Томская область	142 097	34,04%	155 426	46,79%
Тюменская область	585 044	45,55%	738 217	65,89%
Санкт-Петербург	498 656	30,67%	459 052	37,37%
Красноярский край	303 686	30,33%	340 331	42,52%

Жирным шрифтом выделены результаты 2006-2007 гг., превышающие соответствующие результаты 2003 г. Эмпирические данные показывают, что за редким исключением, которое не актуализирует обратный процесс, тенденция очевидна (региональная электоральная конкуренция ниже, чем в рамках федеральных кампаний, что усиливает позиции партии «Единая Россия»). Не случайно в начале текущего века достаточно активно для политической сферы конституировались новые отношения, которые в институциональном изме-

рении отражали усиление влияния субнациональных политических режимов на электоральное поведение, нежели это проявлялось на уровне федерации. Но на фоне усиливающегося абсентеизма в Красноярском крае в последующие годы анализируемая тенденция приобрела устойчивый характер. Это отражалось в явном доминировании партии «Единая Россия» в партийно-политической системе региона, но без усиления собственной политической субъектности, что выражалось в ее зависимом и слабо ресурсном положении относительно

более влиятельных политико-экономических акторов (субъектов федерального уровня, ФПГ).

В рамках рассматриваемой тематики достаточно интересную категорию применяет Л. Е. Тихонова, когда концептуализирует феномен протестного голосования. Исследователь классифицирует электоральную активность на позитивную и негативную. Если первая свойственна демократическому полити-

ческому режиму и связана с преимущественно рациональным и активным электоральным поведением, то вторая выражается в высоком уровне абсентеизма («голосование ногами»), участия в выборах с целью сознательного невыражения гражданской позиции (вынос бюллетеня с участка, его порча различными способами). В русле такого подхода результаты по Красноярскому краю отражены в таблице 2.

Таблица 2

Выборы глав субъектов РФ 14 сентября 2014 г., % [2, с. 184-198]

Субъекты Российской Федерации	Общая явка	Из ее числа:		Доля невозвращенных в урны бюллетеней
		Позитивная электоральная активность	Негативная электоральная активность	
Алтайский край	34,38	98,51	1,49	0,05
Астраханская область	40,60	98,12	1,88	0,08
Волгоградская область	36,63	97,64	2,36	0,02
Вологодская область	29,72	97,65	2,35	0,03
Воронежская область	57,21	99,22	0,78	0,02
Ивановская область	36,85	98,95	1,05	0,03
Кировская область	36,25	98,44	1,56	0,01
Красноярский край	31,27	98,27	1,73	0,05
Курганская область	39,77	98,23	1,77	0,03
Курская область	38,97	97,74	2,26	0,01
Липецкая область	47,58	97,85	2,15	0,09
Мурманская область	31,02	97,74	2,26	0,08
Ненецкий автономный округ	42,87	95,76	4,24	0,05
Нижегородская область	54,49	99,19	0,81	0,15
Новосибирская область	30,73	97,27	2,73	0,04
Оренбургская область	44,15	98,24	1,76	0,03

Продолжение таблицы 2 на следующей странице

Продолжение таблицы 2

Субъекты Российской Федерации	Общая явка	Из ее числа:		Доля невозвращенных в урны бюллетеней
		Позитивная электоральная активность	Негативная электоральная активность	
Орловская область	62,65	98,72	1,28	0,06
Приморский край	40,22	97,69	2,31	0,17
Псковская область	37,91	98,64	1,36	0,11
Республика Алтай	54,23	97,81	2,19	0,10
Республика Башкортостан	74,89	99,27	0,73	0,04
Республика Калмыкия	61,43	97,32	2,68	0,04
Республика Коми	59,06	98,13	1,87	0,11
Республика Саха	52,75	98,12	1,88	0,06
Республика Удмуртия	43,09	98,61	1,39	0,01
Самарская область	61,58	98,68	1,32	0,18
Санкт-Петербург	39,36	97,01	2,99	1,15
Ставропольский край	47,88	98,66	1,34	0,01
Тюменская область	58,34	98,13	1,87	0,08
Челябинская область	42,48	97,75	2,25	0,08

Электоральное участие на выборах губернатора Красноярского края (в 2014 г.) демонстрирует один из самых низких показателей среди многочисленных субъектов федерации. Но результаты явки на аналогичных выборах в 2018 г. показали еще более удручающую цифру – 28,94 %. Хотя явка на выборах главы исполнительной власти края в 2002 г. как в первом, так и во втором турах приближалась к 50%. Но если сравнивать явку избирателей с выборами в городской совет краевой столицы в 2013 г., то результат можно идентифицировать как абсентеизм (18,6%)². В данном контек-

сте А. Б. Шатилов приводит следующую статистику: «Одновременно есть регионы с «раздутыми» штатами МСУ. Это Краснодарский край (14,5 тыс. работников органов МСУ на 5,5 млн жителей), Красноярский край (15,8 тыс. на 2,87 млн жителей), Челябинская область (13,8 тыс. на 3,5 млн жителей), Ставропольский край (11,1 тыс. на 2,8 млн жителей)» [3, с. 87], где рассматриваемый в статье регион занимает лидирующую позицию с негативной коннотацией, с учетом территориального фактора (концентрация населения практически только на юге края в урбанизированных центрах)

² Выборы-2018: красноярцы хуже голосуют за губернатора и горсовет // <https://trk7.ru/news/85990.html> (дата обращения: 11.08.2024).

и соотношения общей численности жителей к количеству чиновников муниципальных органов власти. Можно сделать косвенный вывод, что чем ниже интерес избирателей к выборным процедурам, тем более бюрократизированными становятся органы публичной власти.

Вместе с тем, необходимо затронуть генезис анализируемого регио-

нального электорального позиционирования. Согласно исследованиям А. С. Ахременко и Е. Ю. Мелешкиной видно, что активно используемая избирателями в 1990 г. опция «против всех», которая впоследствии была упразднена, выделяет субнациональные группы по критерию экономического районирования, что отражено в таблице 3.

Таблица 3.

Группировка российских регионов по уровню голосования «против всех» [4, с. 45-46.]

№ группы	Средний уровень голосования «против всех»	Район	Субъекты Федерации
1	Высокий (более 6 %)	Северный	Ненецкий АО, Хабаровский край, Мурманская, Архангельская, Вологодская области
		Дальневосточный	Корякский, Чукотский АО, Приморский край, Камчатская, Сахалинская области
		Восточно- и Западносибирский	Ямало-Ненецкий, Таймырский (Долгано-Ненецкий) АО, Красноярский край
		Центральный	Москва, Московская область
		Уральский	Свердловская область
2	Средне-высокий (4,8 % – 5,99 %)	Северный	Республики Коми, Карелия
		Дальневосточный	Еврейская АО, Амурская, Магаданская области
		Восточно- и Западносибирский	Республика Бурятия, Ханты-Мансийский, Эвенкийский АО, Новосибирская, Омская, Иркутская области
		Центральный	Тульская, Костромская, Владимирская, Рязанская, Ярославская, Ивановская, Орловская области
		Уральский	Республика Удмуртия; Коми-Пермяцкий АО, Пермская; Курганская области
		Северо-Западный	Санкт-Петербург, Ленинградская, Калининградская, Новгородская области
		Поволжский и Волго-Вятский	Кировская, Нижегородская, Саратовская области
Центральночерноземный	Липецкая, Воронежская области		
3	Средне-низкий (3 % – 4,79 %)	Дальневосточный	Республика Саха (Якутия)

Продолжение таблицы 3 на следующей странице

№ группы	Средний уровень голосования «против всех»	Район	Субъекты Федерации
		Восточно- и Западносибирский	Республики: Алтай, Хакасия. Алтайский край, Читинская, Тюменская, Кемеровская, Томская области
		Северо-Западный	Псковская область
		Центральный	Калужская, Смоленская, Брянская, Тверская области
		Уральский	Республика Башкортостан, Челябинская, Оренбургская области
		Поволжский и Волго-Вятский	Республики Марий Эл, Мордовия, Татарстан, Самарская, Пензенская, Ульяновская, Астраханская, Волгоградская области
		Центральночерноземный	Белгородская, Курская, Тамбовская области
		Северокавказский	Ставропольский, Краснодарский край, Ростовская область
4	Низкий (менее 3 %)	Восточно- и Западносибирский	Республика Тыва, Усть-Ордынский, Агинский АО
		Поволжский и Волго-Вятский	Республики Чувашия, Калмыкия.
		Северокавказский	Республики Ингушетия, Адыгея, Северная Осетия, Дагестан, Карачаево-Черкесская, Кабардино-Балкария

Красноярский край совершенно неслучайно отнесен к региональной группе с высоким уровнем (более 6%) голосования «против всех», что коррелирует с социально-протестным потенциалом, который в 2000-2010 гг. под воздействием неформально-институциональных изменений (усиление авторитарных тенденций) трансформировался в умеренный абсентеизм в региональных и федеральных избирательных кампаниях или достаточно заметное игнорирование электоральных процедур на выборах в муниципальных ассамблеи.

Ряд исследователей считает, что в структуре электорального пространства ключевую роль играют различия [5, с. 40] или размежева-

ния [6], которые имеют структурные (объективные, институциональные) и процедурные (покоящиеся на ресурсах, стратегиях позиционирования акторов) измерения. Относительно партийно-политической системы и электоральных процессов в Красноярском крае можно сказать, что вышеприведенная оптика вполне конгруэнтна и также может быть подвержена дополнительной дифференциации в виде методологии «революционных скачков» А.-Д. Сейле [7]. Социальные размежевания и расколы в анализируемом регионе можно интерпретировать преимущественно по оси «город – деревня» и по профессионально-имущественному критерию, что характерно для об-

ществ модерна, а не по предложенной выше автором идеологической составляющей, детерминированной «третьей волной» демократизации и «международной» революцией (движение в сторону постмодерна). В данной логике следует привести позицию, отраженную в масштабном социологическом исследовании, которое акцентирует внимание не столько на эксплицитной электроальной активности, степени абсентизма, протестного манифестирования, сколько на роли «профессионалов». Речь идет о тех социальных группах, которые идентифицируются по социально-профессиональному критерию и составляют основу креативного класса. Соответственно, делается вывод, что его роль в том числе в региональном социально-политическом пространстве, является ключевой, так как сама профессиональная деятельность детерминирует принятие политических, управленческо-корпоративных решений, что в итоге распространяется на общественную сферу. Вместе с тем, отмечается точка зрения, что нижняя часть среднего класса, по имманентным характеристикам имеет достаточно высокий потенциал для политического участия, а вот верхняя часть креативного класса наоборот – склонна к конформизму и лоялистским практикам [8, с. 425, 426]. Но, как подчеркивает В. О. Кротков, постсоветский этап социальной трансформации привел к тому, что

«в целом произошла деинтеллектуализация общества, что очень характерно отражалось на уровне его политического сознания и поведения» [9, с. 43]. Дополнительно структурные индикаторы, ряд из которых – колоссальная территория края или имеющиеся различия в климатических зонах, или характер распределения производственно-экономических ресурсов в контексте уровня урбанизации обуславливают электроальное поведение и характер региональной партийно-политической системы. В данном плане интересно обратиться к различным исследованиям современного города, как особого пространства, в рамках которого концентрируются различные социальные процессы, интересы, институты, символы, арены, антагонистические и агонистические практики [10], что релевантно для более глубокого и системного понимания социетальных процессов в столице региона – Красноярске. По большому счету, красноярская агломерация стягивает к себе основные ресурсы в широком смысле и определяет политический ландшафт региона. Так, в столице проживает 1,2 млн чел., а в целом городское население края составляет 2,2 млн человек при общей численности населения края 2,8 млн³ (уровень урбанизации региона выше среднероссийского).

Сравнительный анализ Б. А. Исаева, С. В. Власкиной показал, что электроальное поведение как

³ Оценка численности постоянного населения на 1 января 2024 года и в среднем за 2023 год по муниципальным, городским округам и муниципальным районам Красноярского края / Управление Федеральной службы государственной статистики по Красноярскому краю, Республике Хакасия и Республике Тыва. 02.04.2024.

на федеральном, так и на региональном уровнях, в контексте формирования соответствующей партийно-политической системы, можно интерпретировать через следующие препятствия:

1. Порог регистрации, подчеркивающий все трудности государственной регистрации партий и завышенные требования Закона о партиях;

2. Порог отстраненности партий от управления страной. В России даже победившая на парламентских выборах партия фактически не получает рычагов управления, кроме поста председателя Думы;

3. Порог недоверия к демократии. Большинство населения, учитывая условия жизни, думает в первую очередь не о своих правах и участии в выборах, а о своем заработке и семейном бюджете. Демократия еще не стала в России целью, к которой устремлено общество [11, с. 61].

В заключении следует отметить, что в статье были рассмотрены аспекты, связанные с изменением степени участия электоральных групп в избирательных процессах на территории Красноярского края. В XXI в. наблюдался тренд на снижение, вплоть до практик абсентеизма (выборы в муниципальные ассамблеи). Вместе с тем, электоральные показатели провластной партии «Единой России» в крае были выше, чем результаты данной партии на федеральном уровне, что подчеркивает более значительное административное влияние на избирательный процесс на субнацио-

нальном уровне при более слабой партийной конкуренции и вышеотмеченную пассивность электората. Низкая заинтересованность граждан в электоральном участии является одним из индикаторов процесса, который идентифицируется как «негативная электоральная активность» (Л. Е. Тихонова), который имеет генезис протестного голосования, что в 1990 г. в Красноярском крае проявляло себя на высоком уровне (первая группа регионов, более 6 %).

Но если низкое участие электоральных групп на муниципальных выборах или на выборах в региональную легислатуру не является чем-то уникальным, то крайне низкие показатели активности избирателей на выборах губернатора края в 2010 г. – это уже определенная особенность регионального социума. Вместе с тем, уровень бюрократического представительства в муниципальных органах власти Красноярского края значительно выше, чем в иных регионах с меньшим количеством населения.

Помимо этого, примененная методологическая оптика в виде социальных расколов и размежеваний показала, что анализируемое региональное сообщество соответствует критериям развитого модерна, с явным акцентом на уровень урбанизации. В этих условиях как структурные, так и процедурные характеристики социально-трансформационного процесса обуславливают подобное электоральное поведение и особую роль не идеологических размежеваний, а высоко

профессиональных групп городских агломераций (основа среднего класса), которые потенциально могут выступить в роли драйвера фрагментарного демократического влияния, если сформируется солидарная экономика, консолидирующаяся «вокруг повестки сотрудничества, взаимопомощи и обобществления» [12, с. 80].

Вместе с тем, отражена связь между особенностями политического участия в регионе и характе-

ром партийно-политической системы через призму доминирующей партии. Можно сделать вывод, что тип политического режима федерального и локального уровня обуславливает соответствующую роль политических партий, которые функционируют в рамках формальных и неформальных институциональных ограничений, которые выражаются в виде трех основных порогов (методология Б. А. Исаева, С. В. Власкиной).

Список литературы

1. Ахременко А. С. Электоральное участие и абсентеизм в российских регионах: закономерности и тенденции // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2005. № 3. С. 95-112.
2. Тихонова Л. Е. Позитивная и негативная электоральная активность граждан Российской Федерации на выборах 2013-2015 гг. // Вестник Пермского университета. Политология. 2017. № 1. С. 184-198.
3. Шатилов А. Б. Электорально-политическая активность в российских регионах в период 2013-2017 годов: стабильность и/или инновационное развитие // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7. № 6 (30). С. 81-87.
4. Ахременко А. С., Мелешкина Е. Ю. Голосование «против всех» как форма политического протеста: проблемы изучения // Политическая наука. 2002. № 1. С. 23-49.
5. Ахременко А. С. Пространственный электоральный анализ: характеристика метода, возможности кросснациональных сравнительных исследований // Политическая наука. 2009. № 1. С. 32-59.
6. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: Free Press. 1967. p. 1-64.
7. Seiler D.-L. Peut-on appliquer les clivages de Rokkan à l'Europe centrale? // Partis politiques et démocratie en Europe centrale et orientale / Ed. par J.-M. de Waele. Bruxelles: L'Univ. de Bruxelles. 2002. 288 p.

8. Тихонова Н. Е., Латов Ю. В., Латова Н. В. и др. Человеческий капитал российских профессионалов: состояние, динамика, факторы. М.: ФНИСЦ РАН. 2023. 488 с.
9. Кротков В. О. Особенности взаимовлияния российского социума и политического класса в условиях постсоветской трансформации // Вестник Пермского университета. Политология. 2012. № 2 (18). С. 42-54.
10. Шарова В. Л. Неравенство ландшафтов и социальное производство среды: о книге Сеты Лоу «Пространственное воплощение культуры» // Полилог/Polylogos. 2024. Т. 8. № 1. DOI: 10.18254/S258770110030534-9
11. Исаев Б. А., Власкина С. В. Теория социальных расколов Липсета-Роккана и возможности ее применения для анализа первой, второй и третьей партийных систем России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2016. Т. 12. № 4. С. 43-64.
12. Егоров В. Г., Александрова Е. В., Иншаков А. А. Регенеративная, солидарная экономика: к теории вопроса // Постсоветский материк. 2023. № 2 (38). С. 73-93.

TIMOFEEV Sergey S. – Postgraduate student of the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Russia, Moscow, email: timofeev@timofeev.cc

Keywords: Regional electoral process, negative electoral activity, absenteeism, party and political system, Krasnoyarsk Territory.

ELECTORAL FLUCTUATIONS AND THE ROLE OF THE UNITED RUSSIA PARTY IN THE PARTY AND POLITICAL SYSTEM OF THE KRASNOYARSK TERRITORY

Annotation

The article examines electoral behavior in the Krasnoyarsk Territory, including in a cross-regional context. Based on empirical data, it is shown that the level of electoral participation in elections of one level or another is quite low in temporal terms. In addition, the genesis of such social positioning is revealed. The aspects of electoral preferences in relation to the pro-government party are considered and the level of its legitimacy is reflected depending on the level of the election campaign. One of the methodological approaches in the analysis of electoral participation is social differentiation, which is based primarily not on ideological attitudes, but on socio-cultural orientations, professional and labor activities and characteristics of the urbanized environment. The features of the regional party-political system are highlighted (through the prism of the dominant party subject), which is determined by social preferences and institutional constraints expressed in the form of appropriate thresholds.

References

1. Akhremenko A. S. Electoral participation and absenteeism in Russian regions: patterns and trends // Bulletin of the Moscow University. Episode 12: Political Science. 2005. No. 3. pp. 95-112.
2. Tikhonova L. E. Positive and negative electoral activity of citizens of the Russian Federation in the elections of 2013-2015. // Bulletin of the Perm University. Political science. 2017. No. 1. pp. 184-198.

3. Shatilov A. B. Electoral and political activity in Russian regions in the period 2013-2017: stability and/or innovative development // Humanities. Bulletin of the Financial University. 2017. Vol. 7. No. 6 (30). pp. 81-87.
4. Akhremenko A. S., Meleshkina E. Y. Voting "against all" as a form of political protest: problems of study // Political Science. 2002. No. 1. pp. 23-49.
5. Akhremenko A. S. Spatial electoral analysis: characteristics of the method, possibilities of cross-national comparative studies // Political science. 2009. No. 1. pp. 32-59.
6. Lipset S. M., Rokkan S. Cleavage Structures, Party Systems and Voter Alignment // Party Systems and Voter Alignments. N.Y.: Free Press. 1967. pp. 1-64.
7. Seiler D.-L. Peut-on appliquer les clivages de Rokkan à l'Europe centrale? // Partis politiques et démocratie en Europe centrale et orientale / Ed. par J.-M. de Waele. Bruxelles: L'Univ. de Bruxelles. 2002. 288 p.
8. Tikhonova N. E., Latov Yu. V., Latova N. V. et al. The human capital of Russian professionals: state, dynamics, factors. M.: FNISTC RAS. 2023. 488 p.
9. Krotkov V. O. Features of the mutual influence of Russian society and the political class in the conditions of post-Soviet transformation // Bulletin of the Perm University. Political science. 2012. No. 2 (18). pp. 42-54.
10. Sharova V. L. Inequality of landscapes and social production of the environment: about the book by Seta Lowe "Spatial embodiment of culture" // Polylogos/Polylogos. 2024. T. 8. No. 1. DOI: 10.18254/S258770110030534-9
11. Isaev B. A., Vlaskina S. V. Lipset-Rokkan theory of social splits and the possibilities of its application for the analysis of the first, second and third party systems of Russia // Political expertise: POLITEX. 2016. Vol. 12. No. 4. pp. 43-64.
12. Egorov V. G., Alexandrova E. V., Inshakov A. A. Regenerative, solidary economy: towards the theory of the issue // The post-Soviet continent. 2023. No. 2 (38). pp. 73-93.